

Бриллианты Шаляпина

ИНТУИЦИЯ подсказывала: «концы» этой загадочной истории надо искать в музее имени Глинки. Созвонился с Здобновым.

— Помнится, обещали показать кое-что из запасников,— стараюсь быть как можно спокойнее.

— Пожалуйста, милости просим,— вежливо ответил директор.— Только не сейчас, недельки через две... Я уезжаю в командировку.

— А может, поручите это кому-либо из своих сотрудников?

— Нет, лучше будет, если займусь вами сам.

Настаивать было бесполезно. Я чувствовал, что Здобнов неспроста оттягивает встречу, но, увы, ничего не оставалось иного, как ждать.

Чтобы не терять попусту время, решил выйти на секретаря покойной Ирины Федоровны — Попова. Что расскажет он?

И вот Анатолий Иванович сидит напротив меня и вспоминает:

— Не один вечер провел у Ирины Федоровны, разбирая архивы. Удивительная женщина! До безумия дорожила всем, что было связано с именем отца. Последние четыре года ее жизни прошли у меня на глазах. Помню, как первый раз отказывалась от операции,— Малов вроде говорил, что у нее обнаружили опухоль на шее. Увелили бедную в какую-то больницу. Расположовали. Дальше начались чудеса. После операции положили в гриппозную палату. Зачем? Как это можно было допустить? Заболела еще и гриппом. Чуть оклемалась — опять под нож... А вы знаете о том, что Ирина Федоровна собиралась уйти в дом для престарелых?

— Нет, от вас первого об этом слышу,— ответил я.

— Ну как же! Известная история. Очень уж ей тяжело было на старости лет, позидевались над ней порядочно. О многом поведала мне. Рассказывала, например, о том, что Иола Игнатьевна не жила с Федором Ивановичем аж с 1906 года, что сожгла много писем отца, а также писем к ней Есенина... «Зачем вы это сделали?» — спросил ее. «Не хочу, Толя,— ответила она,— чтобы кто-то копался в белье моих родителей».

— И тем не менее копалась,— заметил я, подводя Попова ближе к интересующей меня теме.

— Неправда,— живоотреагировал он.— Все было сделано с достоинством. Я, как сын, наблюдал за присутствующими в квартире.

— Но ведь бриллианты, другие ценности исчезли?

— Да, бриллианты не нашлись,— согласился Попов.— Но это не главное. Важно, что все остальные шаляпинские вещи попали в музей.

— Далеко не все.

— Разве?

— Есть серьезные основания для сомнений.

Анатолий Иванович настороженно взглянул на меня и добавил:

— Я, конечно, предполагал, что Савченко могла схимичить, Ирина Федоровна ее недолюбливала. Но мне казалось, что все вершилось тогда по закону. И вообще: стоит ли ворошить давнюю историю?

— Святое дело — ваши же слова...

— Правильно. Я и не отказываюсь от них.

— Тогда продолжим,— сказал я.— Что, вы думаете, например, о Пашкове?

— Честнейший человек.

— А Малов?

— Это прохвост. Прикарманил обручальные кольца с вензелями Иолы Игнатьевны

и Федора Ивановича, перстень какой-то. Может, и бриллианты: у него ведь были ключи от квартиры. Ходили слухи, что он будто бы попал потом в сумасшедший дом...

Попов на минуту ушел в себя, задумавшись над чем-то. Глаза его сощурились, сделались словно щелочки.

— Ну о чем еще рассказывать? — отряхнулся он наконец от своих мыслей.— Мне лично Ирина Федоровна подарила шаляпинский ингалятор, кое-что по мелочи. В завещание меня не вписала, но словесно передавала, что забрать после ее кончины.

— Например? — полюбпытствовал я.

— Скажем, деревянную раздвижную ширму, ее Ирина Федоровна очень ценила.

— И забрали?

— Повторю: на то была воля покойной.

— Но ведь это музейная вещь...

— Да, конечно,— замаялся Попов.— Пожалуй, надо снести ее туда.

— Потом вы, кажется, имели отношение и к продаже роаяля?

— Бог с вами! Чепуха какая-то.

— Передаю то, что слышал,— продолжал я.— Вскоре после смерти Ирины Федоровны по всей Москве разнесся слух, что можно ку-

пить шаляпинский «Бехштейн». Это дошло до Козловского, и якобы он высказал свое возмущение самому министру культуры.

— Ничего определенного по этому поводу сказать не могу,— отвел глаза в сторону Попов.

Я понял, что большего из него не выжму, и на этом наш разговор окончился.

О своем приезде Здобнов дал знать сам. Встретил любезно, попросил секретаршу приготовить кофе. По его настороженным глазам можно было догадаться, что он явно чем-то обеспокоен.

— Значит, вас интересуют приобретения музея Шаляпина? — начал Ростислав Николаевич, усаживаясь напротив меня за большим столом.

— Да,— ответил я.

— Вот, пожалуйста, посмотрите.

Он протянул мне небольшой листок. Это был отпечатанный на машинке список поступлений в музей. Быстро пробежал по нему глазами.

«Мемориальные вещи, полученные по завещанию И. Ф. Шаляпиной: два платяных шкафа, туалетный стол со стулом, круглый столик розового дерева с бронзой, письменный стол (розовое дерево в бронзе с фарфоровыми медальонами), шесть стульев из столовой, горка, тахта с ковром, мягкое кресло, два столовых стола, книжный шкаф, люстра.

Вещи, переданные в дар музею детьми Ф. И. Шаляпина: два бювара, портрет Ф. И. Шаляпина работы Коровина и Серова, четыре рисунка Серова, три пейзажа Левитана, сценические костюмы Ф. И. Шаляпина с театральными аксессуарами. Фонд 380. Инв. №№ 737—938.

Мемориальные вещи Ф. И. Шаляпина, которые были разысканы по данным, зафиксированным в документах И. Ф. Шаляпиной: буфет, диван и четыре стула из зеленой гостиной, напольные часы.

НЕОБХОДИМОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

В связи с публикацией «Бриллианты Шаляпина» ежедневно в редакции «Рабочей трибуны» раздаются телефонные звонки. Так, вчера несколько читателей из Москвы и Кишинева сообщили новые подробности о судьбе шаляпинского наследства. Автор публикации связывается с ними.

Читатели также высказывают озабоченность положением дел в музее, недоумевают, почему до сих пор эта история не привлекла внимания правоохранительных органов.

Есть и сердитые голоса. Несколько анонимов, не пожелавших назвать свои фамилии, пригрозили автору и газете судом. Люди, близкие к шаляпинской семье, сообщают, что лица, так или иначе причастные к этой неприглядной истории, пытаются оказать на них давление. Что ж, и мы за восстановление истины, пусть даже в судебном порядке.